

Маленький, обшарпанный полицейский участок в городке, окошко паспортного стола.

Около сорока лет, с дымящейся сигаретой в зубах, почерневший от загара клерк — дядька средних лет — от скуки листал на телефоне короткие ролики с танцующими красавицами.

Звук был выкручен на полную, сопровождая ритмичные движения бедер незамысловатым мотивом.

Старина Ван, или Цзян Сы, как его звали в миру, потянул сына за собой и, набравшись храбрости, протиснулся к окну:

— Товарищ, нужно поменять прописку!

Голос Цзян Сы звучал звонко, с напором человека, решившего сегодня во что бы то ни стало пробить брешь в небесах.

Старина Ван даже не поднял век, продолжая водить пальцем по экрану:

— Что менять? Ошиблись в дате рождения? Свидетельство о рождении есть?

— Не в дате дело!

— Тогда в имени? Смена имени требует подачи заявления...

— И не в имени!

— Переезд? Справка о том, что вас принимают, есть?

— Нет!

Цзян Сы начал нервничать, голос его стал еще громче, заставив и Старину Вана, и красавиц в его телефоне вскинуть головы.

— Менять... менять нужно... — Цзян Сы задрожал пальцами, указывая на изящное, неземной красоты лицо своего сына, и сам покраснел до корней волос.

— Менять нужно... пол!

Старина Ван издал звук:

— Пфф!

Окурок выпал у него изо рта.

Глаза клерка округлились, он уставился на стоявшего за окном Цзян Жунькуня, изучая того так, будто увидел инопланетянина: худой, высокий, кожа белая, совсем не как у горного жителя, черты лица тонкие, словно выточенные из фарфора, полудлинные волосы спутаны... Хоть и одет в мужское, но эта физиономия! В современных соцсетях за такое лицо в комментариях точно завалили бы криками «жена!».

— Почтенный... вы... вы уверены? Это же...

Старина Ван запнулся, указывая пальцем на Цзян Жунькуня:

— Точно нужно поменять пол с мужского на...?

Последнее слово он так и не решился произнести.

— Менять! На женский!

Цзян Сы отрезал так, будто объявлял о важнейшем государственном решении. Сердце его обливалось кровью, но голос звучал твердо.

Старина Ван шумно втянул воздух:

— Ничего себе! Ну и загнули вы, почтенный. Ребенку-то уже много лет, верно? Такое... сейчас даже медицина не сделает настолько... настолько радикально.

Его взгляд скользнул по ровной, пусть и с едва заметными выпуклостями груди Цзян Жунькуня. В голове клерка пронеслись мысли: пластика? Трансгендерность? Или редкий природный дар?

Цзян Жунькунь выглядел бесстрастным, но в душе его охватило такое неловкое чувство, что хотелось провалиться сквозь землю. В голове билась лишь одна мысль:

— Почему эта дрянная халупа до сих пор не рухнула? Завалите меня заживо!

Старина Ван вытер лицо и достал стопку бланков:

— Процедура сложная! Нужно заключение психиатра из государственной больницы, справка об операции по смене пола, специальная анкета из отдела полиции по месту жительства... И еще одобрение на уровне города.

— Не нужно! — Цзян Сы осторожно достал из-за пазухи конверт и с хлопком положил на стойку. — Товарищ! Когда при рождении оформляли документы, наш деревенский бухгалтер был пьян и записал дочку как сына. Ребенок с детства рос слабым, так и воспитывали. А

теперь... повзрослела... и вышло недоразумение!

Старик врал с упоением, указывая в сторону груди Цзян Жунькуня:

— Посмотри сюда! Разве это сын? Нужно всё исправить, мы сами оплатим расходы, только сделайте быстрее!

Говоря это, он начал яростно подмигивать сыну, пытаясь передать взглядом: «Доченька! Давай! Выдави пару слезинок! Пусть товарищ проникнется!»

Цзян Жунькунь лишь молчал. Он пытался заставить мышцы лица дрогнуть, чтобы выжать из себя печаль, но под гнетом такого позора его черты лишь едва заметно дернулись, а глаза смотрели в пустоту, идеально воплощая состояние «человек, по которому проехалось колесо судьбы».

Выглядело это, впрочем, еще более хрупко и трогательно...

Старина Ван взглянул на банковскую карту, которой хватило бы на первый взнос за квартиру, затем на «сострадающего» Цзян Жунькуня, и на исполненного решимости Цзян Сы.

— Эх... — Старина Ван тяжело вздохнул, не поняв, то ли это сцена из мыльной оперы, то ли деньги затмили ему разум. — Что же сейчас творится в деревнях... Ладно уж, ладно! Ваш случай... сделаем в особом порядке!

Он стиснул зубы и достал из-под стола старые, пожелтевшие бланки с потертыми краями.

— Исправление ошибки, допущенной в особый исторический период. Только учтите, имя менять будете? Номер удостоверения личности останется с вами на всю жизнь!

— Имя... Цзян Жунь... поменять на...

Цзян Сы запнулся и посмотрел на сына. Менять имя? На женское? Как он может знать, какое выбрать!

Цзян Жунькунь наконец очнулся от оцепенения, вспомнив недавний постыдный звук системного уведомления. Он вздрогнул и решительно произнес:

— Имя... пусть будет Цзян Жуньюэ. От слова «жунь» — орошать дождем, и «юэ» — луна!

— Ладно, ладно! Сейчас молодежь мыслит широко!

Старина Ван пробормотал это, работая быстро. Заполнение бланков, печати, стук клавиш

компьютера. Наконец, раздался щелчок, и на свет появилась новенькая домовая книга.

Старина Ван вытолкнул через окно еще теплый документ вместе с квитанциями об оплате.

— Готово! Особый канал связи! Расходы вы покрыли сами! Забирайте!

В его глазах читались усталость от самого безумного рабочего задания в году и доля неверия в то, что он на самом деле это сделал.

Цзян Сы дрожащими руками принял документ, горячий, будто только из печи. Он не рискнул раскрыть его сразу, лишь сжал так, что костяшки пальцев побелели. Он потянул сына за собой, выходя из участка так, будто они оба разучились ходить.

Осеннее солнце пекло глаза. Поток машин, людской шум — все это смешалось в сознании Цзян Сы в неясный гул.

Найдя защищенный от ветра угол у стены, заваленный коробками, он, словно новорожденного младенца, на которого боишься лишний раз взглянуть, медленно раскрыл домовую книгу.

Новая бумага, четкий черный шрифт.

Третья страница:

Имя: Цзян Жуньюэ

Прежнее имя: Цзян Жунькунь

Пол: женский

Отношение к главе домохозяйства: старшая дочь

Слово «женский» обожгло сердце этого работающего сельского жителя, словно раскаленное клеймо!

«Старшая дочь» — слова, окончательно сокрушившие его последнюю твердыню. Он вспомнил, как двадцать с лишним лет назад в роддоме повитуха радостно крикнула: «С прибором! Мальчик!» Вспомнил те бесчисленные разы, когда он с гордостью поднимал сына над головой, вспомнил, как стрелял петардами на кладбище предков, узнав, что сын поступил в университет...

Все прошлое, все надежды, весь этот «сын» оказались погребены под холодным, официальным, ледяным словом «женский»!

Накопившиеся за несколько месяцев страх, тревога и абсурдность происходящего прорвались словно плотина.

— У-у-у...

Сдавленный стон, похожий на крик раненого старого зверя, вырвался из глубины горла Цзян Сы. А за ним последовал безудержный рык.

Он согнулся в три погибели, обнимая документ, и зарыдал в голос. Мутные слезы, как бусины, падали на строчку «старшая дочь Цзян Жуньюэ».

Прохожие косились на них: старик рыдал во весь голос, а юноша — или уже девушка? — стоял будто потерянный, и по его красивому бесстрастному лицу медленно катились беззвучные слезы.

Она протянула руку и нежно коснулась вздрагивающей спины отца.

Из кучи коробок доносился запах дешевой типографской краски вперемешку с пылью.

Цзян Сы рыдал, сжимая документ в руках, словно погребальный саван. Его отчаяние звучало среди городского шума, как нелепый перформанс.

— Папа, теперь у тебя есть и сын, и дочь, — прошептала Цзян Жуньюэ, голос ее звучал сухо, как при трении наждачной бумаги о металл.

Она стояла рядом, и по ее лицу — плоду искусной резьбы Техники Фиолетового Свода Чжунтянь — стекали холодные слезы. Пальцы едва заметно дрожали на сухощавой шее отца.

Осенний ветер кружил опавшие листья. Отец продолжал рыдать, словно на похоронах «единственного продолжателя рода Цзян». А «новая» Цзян Жуньюэ ощущала лишь пустоту внутри, словно ее душу разрубили надвое, а затем небрежно сшили вместе.

Будущее? Ха.

Прямо здесь, в углу улицы, наполненном хаосом и пылью, раздался низкий, мощный рокот мотора. Взревел двигатель, звучащий неуместно среди неспешного городского ритма, словно лезвие резака, разрезающее трагическую сцену отца и сына.

Небесно-голубой BMW M4 с обводами, прозрачными словно лед, бесшумно, подобно акульему плавнику, рассекающему воду, остановился в пяти метрах от них.

Легкий щелчок закрываемой двери прозвучал в тишине как удар грома.

Тук, тук, тук...

Четкие, размеренные, холодные шаги по бетонному покрытию приближались к их маленькому убежищу. Цзян Жуньюэ растерянно подняла заплаканные глаза.

В неясном мареве возник силуэт, четко очерченный осенним солнцем.

Против света, шаг за шагом, приближаясь.

Сначала — прямые, стройные ноги, обтянутые безупречными черными брюками со стрелками, острыми, как лезвие ножа. Короткие кожаные сапожки отражали резкий холодный свет.

Взгляд с трудом поднялся выше, к талии, перехваченной поясом плаща. Белоснежный, чистый, как горный снег, длинный плащ развевался при ходьбе, словно клубы морозного тумана.

Воротник был приподнят, скрывая тонкую, фарфоровую шею.

И наконец...

Когда лицо незнакомки стало четким, время замерло.

Солнце словно преломилось вокруг нее. Кожа, белая, как первый снег на вершине гор Куньлунь, казалась холодной нефрита. Длинные черные волосы были небрежно собраны шпилькой из белого нефритового камня, несколько прядей лежали на лбу.

Брови — словно горная гряда на картине в стиле туши. Прямой тонкий нос, чей кончик казался холодным и острым, как ледник.

Авторская заметка: начиная с этой главы, главная героиня официально сменила имя и дальше будет называться Цзян Жуньюэ.

<http://bllate.org/book/18961/1859953>